

О Т З Ы В

официального оппонента

о диссертации Андрея Владимировича Полякова на тему

«Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин», представленной на соискание

учёной степени доктора исторических наук

по специальности 07.00.06 – Археология

В истории археологии Северной и Центральной Азии особое место занимает и исключительное значение имеет познание древностей Среднего Енисея или Минусинского края, как это было обозначено в научных публикациях начальных историографических этапов. Нет необходимости раскрывать причины такой значимости археологии региона. Они хорошо известны высококвалифицированному научному сообществу. Это демонстрирует и автор представленного диссертационного исследования. Он достаточно полно обозначил их во введении, определяя актуальность темы. Но особо отмечу одно обстоятельство, которое придаёт рецензируемой работе востребованность. В пределах Южной Сибири и Центральной Азии нет ни одного региона, знания об эпохе палеометалла которого имели бы такую же чёткую конструкцию и базовое содержание, как это представлено в археологии Минусинских котловин. Это, наряду с приоритетом периодизации археологических культур палеометалла, обеспечило археологии региона статус своеобразного репера в изучении эпохи бронзы сопредельных территорий, а также Монголии, Казахстана, западных районов Китая. Соответственно, в научном археологическом мире до настоящего времени не ослабевает заинтересованность в результатах полевых и аналитических исследований древностей Минусинской межгорной впадины. Представленная к защите диссертация, как и публикации А.В. Полякова, в которых рассматриваются 2 тысячелетия дописьменного периода истории, несомненно, находятся в фокусе этой заинтересованности. Это позволяет предполагать, что не случайно диссертационный совет ИИМК РАН определил оппонентов из научных центров сопредельного окружения Минусинских котловин, исследования которых связаны с изучением историко-хронологических периодов эпохи металла в разных экосистемах Центральной Азии, Южной и Западной Сибири.

Актуальность темы исследования сопряжена с новизной её содержания. Незыблемость основ первой периодизации культур эпохи металла, созданной С.А. Теплоуховым почти 100 лет назад, подтверждена историей археологической науки. Это результат не одного поколения специалистов, труд которых уточнял, добавлял, детализировал, а в целом наполнял содержанием археологические культуры. Единственный прорыв – это открытие окуневской культуры Г.А. Максименковым. Историография археологии Среднего Енисея демонстрирует такой уровень знаний, при котором нужно обладать научной смелостью, чтобы взять на себя обобщающее исследование по эпохе палеометалла этого региона. В отличие от выдающихся предшественников – М.П. Грязнова, С.В. Киселёва, Э.Б. Вадецкой, работы которых построены на традиционной процедуре научного исследования, автор диссертации предлагает подход свойственный методологии современной археологической науки. А суть её в значительной степени сводится к междисциплинарному и мультидисциплинарному характеру исследования археологических источников. Такой подход в совокупности со значительным корпусом новых материалов позволил подтвердить хронологическую последовательность культур палеометалла и обосновать концепцию миграционного их происхождения. Это вызывает необходимость корреляции археологических источников сопредельных и даже удалённых территорий с древностями Среднего Енисея на новом уровне познания. Этот новый уровень познания актуализирует представленную к защите работу и является её достоинством. На мой взгляд, в

диссертационном исследовании А.В. Полякова новизну составляет представленная тенденция культурогенеза в аспекте внутренних процессов развития археологических культур палеометалла региона.

Обозначенный выше методологический подход, ориентированный на интеграцию с естественными науками, оказал заметное воздействие на достоверность результатов исследования. Особенно такой её базовой части, как хронология. Кроме корпуса абсолютных дат в исследование были введены данные палеогенетики, химического состава металла, о технологии гончарного производства, палеонтологии и антропологии. Причём, в диссертационном исследовании они присутствуют не сами по себе, а в органичном сочетании с археологическими данными. В случаях противоречия между ними А.В. Поляков предлагает варианты объяснения. В этой связи следует обратить внимание на использование методологии исторической и археологической наук. В процедуре научного исследования был задействован значительный блок методов, который призван обеспечить объективность научных выводов. Репрезентативность полученных результатов исследования в какой-то степени определяют количество и качество источников. Количественный показатель внушительный – материалы почти 5 000 погребений. Его следует дополнить источниками в виде аналогий, а историографические разделы – опубликованными работами, включая отчёты и полевые дневники. Следуя принципу теоретической археологии, А.В. Поляков в процессе исследования провёл достаточно обстоятельную критику достоверности источников некоторых памятников, особенно тех, которые были раскопаны в 40-е – 60-е годы прошлого столетия. Это также существенно повышает объективность полученных выводов диссертационного исследования.

Прежде чем дать оценку решения базовых проблем в диссертационном исследовании А.В. Полякова, следует отметить ряд позитивных выводов, наблюдений, предложенных автором гипотез, которые, на мой взгляд, имеют немаловажное научное значение и открывают перспективу для дальнейших исследований.

Во-первых, трактовка зафиксированных фактов и наблюдений в процессе собственных раскопок памятников и раскопок коллег в последние десятилетия, которая вносит существенную корректировку в археологический «текст» погребального обряда и погребальной практики, прежде всего афанасьевской и окуневской культур. В этом контексте проведена ревизия источников погребальных памятников, исследованных во второй половине XX столетия, что позволило автору работы выявить недостаточно верное понимание некоторых из них, которые вошли в отчёты и публикации.

Во-вторых, характеристика окуневской культуры на основе источников, в частности, пластического искусства, и видения исследователем внутренней её динамики позволили ему поставить очень важную научную проблему. Она сводится к тому, что новые материалы изобразительного творчества из погребальных памятников противоречат существующей в археологии региона тенденции развития окуневского искусства. Соответственно, возникла необходимость вновь вернуться к изучению истоков и динамики этой формы общественного сознания окуневской популяции. Безусловно, этот вывод требует коллегиального обсуждения специалистами научного сообщества.

В-третьих, в диссертационном исследовании заслуживают положительной оценки исторические реконструкции. Некоторые из них имеют принципиальное значение, в том числе для теоретической археологии. К их числу следует отнести такие как гендерные и демографические сюжеты, связанные с культурами эпохи палеометалла, моногенное и гетерогенное состояние обществ, взаимодействие с населением окружающих территорий, наконец, многообразие обрядовых действий в процессе погребения и в последующий период у

окуневского населения. Мне импонирует представленная в работе А.В. Полякова идея о причине военного характера появления андроновских скотоводов в северных котловинах Среднего Енисея. Когда впервые я вводил понятие «андроновская экспансия» в своих работах, то подразумевал, прежде всего, её насильственный характер (за редким исключением), несмотря на почти полное отсутствие в археологии знания об оружии и отсутствие в археологических источниках воинского проявления в андроновском социуме. На занятых андроновцами территориях практически не осталось следа от таких этнокультурных образований, как синташтинское, самусьское, елунинское, большей части кротовского (исключение северная периферия его ареала). Но энергии движения у андроновского общества хватило не дальше северных котловин Среднего Енисея.

Среди исторических реконструкций необходимо выделить палеоэкономику обществ эпохи бронзы. Эта тематика находила освещение в работах многих исследователей. Но в диссертационном исследовании А.В. Полякова реконструкция основных видов хозяйственной деятельности реализована с привлечением материалов поселений и данных в области изучения палеодиеты.

В-четвёртых, впервые в археологии Среднего Енисея для решения проблемы происхождения археологических культур проведены и использованы данные палеогенетических исследований. Они, во взаимосвязи с результатами антропологических исследований, позволили укрепить фундамент миграционной концепции автора диссертационной работы. Всё же следует остерегаться делать обобщающие выводы на данных палеогенетики. 93 определения филогенетических маркёров Y-ДНК и мтДНК на почти 5000 погребений. К тому же границы ареала культур изменчивы, что убедительно показано автором диссертационной работы и И.П. Лазаретовым по материалам культур поздней бронзы.

Что же касается базовых проблем, которые вынесены автором в качестве защищаемых положений, то последуем логике диссертационной работы. Решение проблемы хронологии памятников и культур палеометалла Минусинских котловин А.В. Поляков выстраивает на традиционных методах археологии и абсолютном датировании естественнонаучных методов. В рамках традиционных методов датирования кроме материалов погребальных памятников он использует материалы и стратиграфические данные поселений и *све*, что отличает представленное на обсуждение исследование от предшествующих обобщающих работ. Для решения проблемы хронологии использованы результаты анализа о взаимодействии хронологически ранжированных культур. Значительный научный и практический интерес представляет критический анализ всего банка данных абсолютных дат памятников палеометалла региона. Такой подход позволил сформировать блок опорных абсолютных дат. Наконец, четвёртой компонентой явилось привлечение традиционных и абсолютных дат синхронных сопредельных культур. Взаимопроверка и синтез данных легли как в основу хронологии эпохи палеометалла Минусинских котловин, так и времени существования культур и этапов их внутреннего развития. Представленная хронологическая схема является значительным вкладом в изучение дописьменного периода истории Южной Сибири. Следует ещё раз особо выделить хронологию этапов культур, в частности окуневской, карасукской и лугавской (по Н.Л. Членовой).

Таким образом, первое положение, вынесенное на защиту, а также четвёртая и пятая задачи диссертационного исследования реализованы в полном объёме.

Исследование культурурогенеза взаимосвязано с решением проблемы хронологии археологических памятников. Базовые составляющие культурурогенеза: происхождение культуры и тенденция её внутреннего развития требовали выполнения первых трёх задач, обозначенных в

рецензируемой работе. Они выполнены на достаточно высоком профессиональном уровне. Идея о миграционном происхождении культур палеометалла Минусинских котловин фигурирует в историографии археологии региона, но она сопровождается исследованиями, в которых утверждается взаимосвязь новой культуры с предшествующей. Можно привести достаточно большой список специальной литературы с доказательствами их преемственности. Соответственно, общая схема культурогенеза приобретала вид в зависимости от того, какая тенденция – миграционная или автохтонная – занимала ведущее место в концепции конкретного исследователя. Критический анализ признаков преемственности, конкретизированная характеристика археологических комплексов и культур в совокупности с антропологическими, палеогенетическими и другими данными позволили автору существенно снизить автохтонную компоненту в развитии культур палеометалла рассматриваемого региона. Этот блок, дополненный типологически и хронологически обоснованными этапами, явился основанием для авторской конструкции культурогенеза в диапазоне XXXV - IX вв. до н.э.

Реализованные в диссертации положения представляют собой значительный вклад в археологию и познание дописьменного периода истории Северной и Центральной Азии.

На мой взгляд, некоторые выводы диссертационного исследования А.В. Полякова имеют дискуссионный характер, что вполне естественно для научных работ такого масштаба. Во-первых, проблема разного уровня взаимодействия ранних палеометаллических культур с неолитическими популяциями. «Отсутствие» неолита в котловинах не снимает проблемы. Её содержание может быть вынесено в пределы горно-таёжной периферии среднеенисейского региона. К сожалению, их археология только начинается. Небезынтересно то, что материалы поселения Унюк, стоянок на оз. Вьюжное, случайные находки, опубликованные Э.Р. Рыгдылоном (первые целенаправленные поиски памятников каменного века. См. протокол заседания сектора Палеолита и неолита ЛО ИИМК от 1/01 – 48 г.), имеют облик позднего неолита Байкальской Сибири. Хронология поздненеолитических памятников её районов совпадает со временем существования афанасьевской и раннего этапа окуневской культуры, которое обосновано в данной работе. Сотни абсолютных дат памятников неолитических культур и этапов глазковской культуры опубликованы в Канаде. В этой связи хотелось бы напомнить замечание, высказанное Н.М. Ермоловой, о том, что в неолите степи Минусинских котловин были практически не заселены. Они могли представлять собой «нейтральную территорию». В отличие от афанасьевской культуры (причина обозначена А.В. Поляковым), эта проблема, на мой взгляд, остаётся более значимой и актуальной для окуневской культуры. Не углубляясь в рассуждения, отмечу, что это тема хорошего «круглого стола». Что же касается афанасьевской культуры, то отношения с гребенчато-ямочными керамическими комплексами (если они были) не оказали заметных последствий. В целом, проблема гребенчато-ямочной керамики глобальная и нуждается в теоретическом осмыслении.

Во-вторых, стремление А.В. Полякова к «жесткой» привязке всех категорий источников к конкретному этапу культуры в статусе характерных, возможно, в какой-то степени, оправдано. Но такой подход лишает или ограничивает иную их трактовку. Например, для каждого конкретного этапа окуневской культуры выявлены присущие ему изменения в погребальном обряде и погребальной практике. Но в представленном многообразии захоронения кроме трансформации во времени, несомненно, была отражена социальная компонента. Исходя из позиции автора работы, её проявление в погребальном обряде также менялось от этапа к этапу. Вряд ли динамика культурогенеза и социогенеза была однозначная.

Этот тезис касается и сюжетов, связанных с окуневским искусством. Новые материалы из раскопанных погребальных памятников позволили А.В. Полякову высказать мнение о

несостоятельности существующей концепции развития этого искусства. Вместе с тем, это не помешало использовать материалы искусства и небесспорные выводы Ю.Н. Есина для предположения об одновременности сложения окуневской и самусьской культур (с. 124). Полагаю, что изобразительное творчество, представленное разными видами от декоративно-прикладного до монументальной скульптуры, имело развитие по присущем ему законам. Это можно дополнить включением в окуневское этнокультурное объединение «инородцев», как из автохтонной среды, так и по маршруту миграции, несущих свои изобразительные традиции.

В-третьих, дискусионность вызывают обозначенные А.В. Поляковым исходные территории миграции, в частности, для населения андроновской и карасукской (классический этап) культур. Теория о восточно-казахстанской прародине андроновской культуры, которую разделяет автор диссертации, не одинока в историографии андроноведения. Даже если принять её и схему направлений освоения андроновскими скотоводами пространства от Южного Урала до Среднего Енисея, то следовало бы рассмотреть хронологию этого движения. Для этого можно было бы использовать абсолютные даты, свод которых представлен в статье В.И. Молодина с коллегами в журнале «Radiocarbon» (Vol.54, № 3/4, 2012). Полагаю, что решение проблемы появления андроновской культуры на территории северных Минусинских котловин, можно ограничить материалами лесостепного Приобья.

На мой взгляд, требует существенного обоснования идея об алакульских корнях появления населения карасукской культуры. Происхождение алакульской культуры связано с синташтинско-петровскими древностями и её ареал - это Центральный и Западный Казахстан, а в смешанном виде - Тоболо-Иртышье. Самый восточный памятник - могильник Ермак-IV находится на территории юга Омской области. Пройти на Средний Енисей алакульскому населению можно было только через андроновские территории. По моим представлениям в карасукской культуре в большей степени присутствует андронидный компонент, связанный с периферией андроновского мира.

Что же касается археологии палеометалла Синьцзяна и западных районов Монголии, то у меня есть личное представление о культурной и хронологической принадлежности комплексов, которые приводит А.В. Поляков. Оно противоречит существующим взглядам и, возможно, является субъективным. Поэтому я не затрагиваю эту проблему. Полагаю, что уважаемые оппоненты, более увлечённые зарубежной азиатской археологией, дадут объективную оценку результатам исследования о месте древностей Китая и Монголии в культурогенезе поздней бронзы Минусинских котловин.

Обращаясь к замечаниям, в первую очередь обозначу то, которое связано с проблемой происхождения окуневской культуры. На представленной в приложении к диссертации и автореферате схеме чётко обозначена миграция с запада. Это направление автором определено по двум признакам сооружения могил, курганы и традиции деформации черепа (с. 137). Но возникает вопрос о формировании окуневского керамического комплекса с присущей ему орнаментацией. По общему признанию в археологии этот компонент является культуродиагностирующим признаком. Где его истоки? Наконец, содержание окуневской культуры в значительной степени определяет его искусство. Несмотря на объём специальных работ по этой теме и публикацию историографической статьи Д.Г. Савинова, необходимо было выделить концепции происхождения окуневского изобразительного творчества. Одна из них уводит его в районы Передней Азии. К. Йетмар, публикуя материалы наскальных изображений, если мне память не изменяет (в связи с ковидной изоляцией у меня пока нет доступа к этой книге), юго-восточных районов Афганистана, отмечает разительное сходство с окуневской изобразительной традицией. До появления его работы М.Д. Хлобыстина, М.А. Дэвлет, Д.Г.

Савинов, Б.Н. Пяткин усматривали связь окуневского искусства с переднеазиатским. В этой связи напомним высказывание Я.А. Шера о том, что перемещаются в пространстве не скалы с нанесёнными на них изображениями. К стати, автору диссертации следовало уделить больше внимания научному творчеству Я.А. Шера – аспиранту М.П. Грязнова и сотруднику и зав. лабораторией ЛОИА АН СССР.

Созданная А.В. Поляковым картина миграций сразу вызывает вопрос о следах на пути движения. В работе эта тема не затрагивается в диссертации, что усиливает гипотетичность авторской концепции.

Выстроенные на гендерной основе реконструкции миграции окуневцев не подвергаются автором сомнению и проверке – соответствуют ли они тенденциям общественного развития в дописьменный период истории.

Ещё раз хочу подчеркнуть, что диссертация, представленная к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук, является самостоятельным, фундаментальным исследованием, которое вносит значительный вклад в изучение древних обществ Евразии, её результаты имеют существенное значение для теории археологической науки. Особо отмечу, что текст дополняют приложения, качественно выполненный иллюстративный материал, таблицы, схемы и графики, которые полностью отражают процедуру научного исследования, проведенную автором. Это даёт возможность проверить достоверность полученных выводов.

Результаты исследования могут быть использованы для подготовки обобщающих работ по археологии Южной Сибири, Северной и Центральной Азии; в системе высшего образования, а также в музейном деле.

Диссертация полностью соответствует требованиям пунктов 9-11, 13 и 14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842. Основные положения диссертации прошли апробацию в научной печати, в том числе в изданиях, включённых в перечень ВАК при Минобрнауки РФ. Автореферат полностью отражает основные результаты и выводы проведённого исследования и соответствует его содержанию.

Проведенный анализ исследования позволяет заключить, что автор диссертации на тему «Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин» Андрей Владимирович Поляков заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

Доктор исторических наук,
профессор

Бобров Владимир Васильевич

15 октября 2020 г.

Заведующий кафедрой археологии,

Доктор исторических наук,

Профессор

650000 г. Кемерово, ул. Красная 6 Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Тел. 8 (3842) 58-19-87

E mail if@kemsu.ru; archeology@kemsu.ru

Бобров В.В.
15.10.2020
Андрей Владимирович Поляков